

Вырезка из газеты

20 МАЯ 1964

БАКУ
(вечерний выпуск)

г. Баку

Человечный талант

КОГДА народного артиста республики Владимира Владимировича Отрадинского спрашивают о годах его актерской молодости, он прежде всего вспоминает образ Вагифа в одноименной пьесе Самеда Вургуну — одну из своих самых любимых ролей.

Если актерская работа увенчалась успехом, если она взволновала зрителя, то актеру непременно задают вопрос, как вы работали над ролью?

Трудный вопрос! Как рассказать об этом внутреннем, интуитивном процессе так, чтобы все стало понятным, ясным и зримым? Производственный процесс можно разложить на отрезки. Можно рассмотреть каждый такой отрезок и подробно рассказать о нем. Процесс работы актера над ролью, к сожалению, почти не поддается подобной «операции».

Вагиф... Великий азербайджанский народный поэт-мыслитель, страстный человек-любов и мудрый государственный деятель XVIII века. Величие, мудрость... Мысль...

Мыслящий человек! А как сыграть это? Изображать задумчивость, сосредоточенность! Но ведь Вагиф был и замечательным лириком, душа его полна веры в возможность счастья, в торжество истины и разума. Поэт наслаждался красотой жизни и красотой природы...

— Вы помните, — говорит Владимир Владимирович, начиная поэтический монолог из Вагифа:

«Поэту жизнь мила, —

Не омрачу сомнением чела:

Мне сладостный напиток жизнь

дала,
Тяну его, как сок цветов — пчела!» Конечно, поэт бывал и задумчив, и сосредоточен. Но «бывал» вовсе не значит «был».

...Гаснет свет в зрительном зале. Раздвигается занавес... Если бы сцену отделял от зрительного зала только занавес, как легко и просто решились бы все театральные проблемы! Стоило бы только раздвинуть занавес — и зрители в зале тотчас зажили бы той жизнью, которой живут актеры на сцене. А вот попробуй,

пробейся к зрительским душам, когда между сценой и залом расстояние в двести лет. Когда люди не остыли от своих забот, тревог, горестей и радостей — попробуй, вырви их из XX века и перенеси в XVIII! Как это сделать? С чего начать поиски? Какие здесь нужны выразительные средства?

Актер снова перечитывает пьесу, книги о Вагифе, воспоминания современников. Дни, проведенные в музеях, помогают изучить личность поэта, костью, своеобразие народной речи, национальный колорит языка. Но все это — теория. А практика?

— Странное дело, — вспоминает Владимир Владимирович, — я ведь уже многое знал о Вагифе, понимал и даже внутренне видел его, мог бы часами рассказывать о нем, прочитав на память стихи, но передать, воплотить зримо все это — не мог. Что-то важное уходило, ускользало.

Мой собеседник на секунду задумывается, будто мысленно продолжает разговор, ищет то заветное слово, которое еще не легло на лист моего блокнота.

— Вот бывает иногда так: услышали вы мелодию, и она вам понравилась. Через день-два вы вдруг ощущаете, что эта мелодия живет внутри вас, вы даже мысленно ее напеваете. Кажется, стоит только открыть рот, и запоешь ее. Открываешь рот и... сразу же ощущаешь фальшь, мелодия вертится где-то рядом, но ускользает, уходит... Так и здесь: я не мог сразу уловить эту первую правильную ноту моей «мелодии».

Начался последний период репетиций на сцене, и чем дальше, тем больше росла тревога: что-то не так! А что, если отказаться от попытки играть мудрость и величие «вообще», а найти конкретно те места роли, где особенно ясно проявляется основная и главная черта характера, свойственная Вагифу-поэту, Вагифу-мыслителю, Вагифу-отцу: любовь к своему народу? К его судьбе, мыслям и чувствам, огромный интерес ко всему, что касается его на-

рода. Да, это был ключ! Стоило найти его — и многое, казавшееся раньше трудным и почти невозможным, стало легко и понятно.

Как прост и знаком был артисту этот верный путь! Видеть, понимать, мыслить!.. Как просто, и как трудно!

— Обидно признавать это, но мы, актеры, часто начинаем новую работу снова, как будто ничего не умели и не знали раньше...

Я слушаю своего собеседника, рассказывающего о своем любимом герое, и в каждом его слове чувствую огромную гордость за то, что ему — одному из первых — было поручено создать на русской сцене образ великого азербайджанского поэта. Но вот мы прощаемся в Вагифом. Перед нами оживают новые и новые роли...

...Бурлит, переливается всеми цветами радуги грязная лена оголтелой толкучки у Иверских ворот в Москве. Здесь, среди спекулянтов, духовных лиц, меняющих золотые кресты на крупу, уличных воришек, дам, продающих извлеченные из сундуков кружева, встречаемся мы впервые со странным продавцом спичек-погодинским инженером Забелиным из «Кремлевских курантов». Он еще не сказал ни слова, а мы уже видим могучую силу этого русского характера. Барственна его осанка, разменная походка, педантично скупы движения, под бровями «угляются» с затаенной ненавистью глаза. Он пе-

Актеры и роли

реживает глубокую душевную драму человека, убежденного в том, что теперь он никому не нужен и выброшен историей на свалку. Это натура властная, избалованная славой и пренебрежением перед талантом, уверовавшая в непогрешимость своих суждений.

Но вот Забелин с узелком в кабинете у Ленина. Его поражает ленинская сила ума, объем идей, гениальность мышления. Мы видим, как происходит борьба двух волей, двух представлений о долге перед Родиной. Идет борьба с Забелиным за Забелина. И Забелин впервые в жизни открыто признает свое поражение. Вопросы Ленина требуют от Забелина ответов его сердца — сердца человека, любящего Россию, любящего свой труд, способного оценить размах созидательных планов и, собственно говоря, жаждущего поверить в то, что его руки могут и должны быть приложены к осуществлению давней мечты передовых людей родной страны. Мы видим духовное перерождение нашего героя. Глаза его сверкают светом обновления. Вернувшись домой, он не сразу говорит с дочерью о том, что сейчас стало для него самым главным, он вспоминает юность, кипучую свою жизнь и ему стыдно за свое вчера. Все это мы видели в инженерере Забелине Отрадинского — человеке огромного практического опыта и светлой научной мысли, крупном во всем — в своих страданиях, в своих заблуждениях, в смелых решениях и в жадности к труду на благо Родины.

В сценической биографии каждого актера есть роли, оставившие незабываемый след на всю жизнь. Забелин, безусловно, этапная работа в творческой биографии В. В. Отрадинского. В этой роли рельефно проявились отличительные черты артистической индивидуальности Владимира Владимировича — разносторонность его таланта, блестящее умение перевоплощаться.

А вот еще одна фотография... Слово из далекого прошлого перед нами вырост обшарпанный, грязный мужик с широкой бородой. В нем сконцентрированы страсть стяжательства и алчность капиталистического накопителя. Вспомните, как робко он пробирается вдоль ограды в бывший свой дом. В карманах пусто, впереди — неизвестность. Прижавшись к прутьям ограды, злобно, по-волчьи, смотрит он на своих противников. Какая ненависть бурлит в нем! Это Гвоздили из «Третьей патетической» — не веривший ни в бога, ни в черта, ни в сон, ни в рай, а веривший

только в рубль... Как мгновенно он оживает, узнав, что его кубышки целы: распрямляется хозяин, возвращается хозяйский тон. Но кончилась власть золота, есть сила, сильнее денег — новый мир, новые люди. Теперь только во сне Гвоздили может вновь почувствовать себя властелином. В рождении этого образа не было никаких особых актерских секретов и тайн, разве что один единственный, пронесенный В. Отрадинским через всю жизнь — секрет неутомимости поиска.

Мы перебираем старые пожелтевшие фотографии, рецензии из газет, страницы актерских ролей. По поводу каждого листа и фотографии можно говорить часами... Вот лермонтовский Казарин из «Маскарада» — страшный своим безверием и опустошенностью; чеховский Вершинин в «Трех сестрах», горячо веривший в будущее; умный, иронически относящийся ко всему окружающему, элегантный доктор Дорн из «Чайки» и мечтательный разношнорец, «облезлый барин» Трофимов из «Вишневого сада».

...А это герой А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» — хлыщеватый, с изящными манерами и бархатными нотками в голосе великосветский жуир Городулин; горьковские Цыганов («Варвары») и Костылев («На дне»); толстовский Каренин («Живой труп»); герои К. Тренева, Б. Лавренева, К. Симонова, С. Михалкова. Здесь целая сокровищница характеров мировой классики — В. Гюго и Ф. Шиллера, Бомарше, В. Шекспира и Г. Ибсена. Да разве перечислишь хотя бы десятую долю всего, что переиграно за сорок актерских лет, из которых тридцать отдано нашему родному Баку!

40 творческих лет... Этот путь начался в 1924 году, когда выпускнику Тбилисского театрального училища, двадцатилетнему Владимиру Отрадинскому, были вручены диплом с отличием и ценный подарок с дарственной надписью: — «Вы актер с головы до ног. Где бы вы ни были, что бы с Вами ни случилось, Вы всегда должны быть на сцене».

Владимир Владимирович еще не подводит итог: он мечтает о новых ролях. И банины, которым три десятилетия отдает свой щедрый талант замечательный русский актер, навеки сроднившийся с Азербайджаном, благодарны ему за творческие встречи, всегда приносящие радость.

Василий ЗАЙЦЕВ,
студент IV курса заочного отделения журналистики АГУ им. Ци-
рова.